

ПЛЕЙЛИСТ

- Jovano Jovanke** – 17 Hippies
David Hicken – Incantation
Peter Buka – Lily
Lambchop – This Corrosion
Joe Hisaishi – Howl's Moving Castle
Secret Garden – Song From A Secret Garden
Кирилл Рихтер – In Memoriam
Scott Joplin – The Easy Winners
Indila – Dernière danse
Martin Jacoby – River Flows in You
Two Steps From Hell – Undefeated Instrumental
Jenifer Thomas – Believer
Дарья Виардо – Будь счастлив
С.В. Рахманинов – Прелюдия соль минор,
сочинение 23, №5
Gabriel Saban – Lust of Power

АНАТОЛИЙ МЕДВЕДЕВ

ДОЖДЬ ДЛЯ ДВОИХ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Иллюстрация на обложку *Анны Афанасьевой*

Медведев, Анатолий Анатольевич.

М42 Дождь для двоих / Анатолий Медведев. – Москва :
Эксмо, 2023. – 352 с.

ISBN 978-5-04-178039-5

Можно ли купить Любовь? И какова цена? Тинар и Эфья заключают магическую сделку с таинственным златокудрым юношей, потому что родители заставляют их вступить в династический брак, а они не только не любят, они ненавидят друг друга! Продавец ставит им одно странное условие – «не женитесь, пока не закончится дождь». Но Тинар и Эфья даже не подозревают, с кем связались и что однажды им придется отдать взамен...

*В начале книги есть музыкальный плей-лист, собранный автором специально для этой книги, отсканировав куар-код, его можно прослушать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178039-5

© Медведев А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

1 Кор. 13:4 – 8

Пролог

Когда у него в последний раз были гости? Кажется, уже год прошел. Старик отодвинул тяжелый засов и обомлел. На пороге стояла юная девушка в легком платье. Старик на мгновение показалось, что он слышит ее сердце, а затем Герн почувствовал, будто кто-то незримый обнял его, и его переживания остались где-то далеко позади.

– Приветствую вас, заходите скорее, – засуетился старик, – что же вы выходите из дома в такую погоду! Это совсем не безопасно! Как вас зовут?

– Кайа, – тихо ответила девушка, заходя в затхлую комнату. – Я пришла к летописцу. Это вы?

– Да, это я. Меня зовут Герн. Хотите чаю? Только вскипятил воду, – торопливо говорил старик, стараясь быть гостеприимным. – Вы присаживайтесь, сейчас согрею, угощу, и узнаем, какое у вас ко мне дело.

Кайа присела и осмотрелась.

В комнате было много книг. Они лежали на столе, громоздились на стульях и подоконнике и даже на полу.

— Что это за книги, Герн?

— О, они — моя работа, — гордо сказал старик, — не только моя, конечно. До меня были и другие.

— Но что в них?

— История этого мира. Там есть всё, что когда-то происходило. Я, конечно, знать всего этого не могу... но неплохо ориентируюсь по алфавитному указателю. И у меня есть книги Пророков. Вот, смотрите, — старик подошел к своему столу, по дороге вручив гостье чашку чая. — Это книга Тейна, эту, кажется, писал Наост, а эту отступник Джагерн... где же книга Иззен? А вот она, смотрите. Написана руками самих Пророков. Тут, кстати, есть и Священная книга Гирра, если интересно. Я так понимаю, список с оригинала, который когда-то составил легендарный герой Беонар. Здесь, правда, вырвана одна страница...

— Удивительно... Я даже предположить не могла, сколько у вас сокровищ, — сказала девушка, с любопытством рассматривая реликвии, — я столько хочу у вас узнать, прежде чем озвучу свою просьбу.

— Мне не жалко, спрашивайте.

— Это правда, что все летописцы встречались с Иуфином?

— Да, конечно! Но он очень не любит, когда его так называют. Предпочитает — Продавец Времени. Благодаря ему я и начал эту работу много лет назад. Вот уж кто действительно много знает.

— Я встречала его. Он не слишком разговорчив, — улыбнулась Кайа, — я еще хочу кое-что знать. — Все это вы пишете для него?

— Нет, конечно, нет, ему всё это не нужно... теперь я сомневаюсь, что это нужно хоть кому-то. Но прежде мы, те, кто вел записи, были уверены, что делаем это ради Истины, что бы это ни значило. Мы начали писать еще во времена Пророков, и вначале они направляли этот процесс, но однажды их не стало...

— Быть может, Пророки говорили вам, для чего был создан этот мир? Расскажите.

— Что же, теперь, наверное, это уже и не имеет значения, — тяжело вздохнул Герн и нехотя продолжил: — Когда-то, давным-давно в небесных чертогах был создан Наартумёграль, сосуд разума, океан душ... Вместе с ним — Хранители. Их было много, и каждый отвечал за что-то своё. Но однажды Хранитель Порядка обратился к темной стороне и решил сотворить свой мир, более правильный и упорядоченный, разрушив океан душ. Он сбросил в сосуд разума Хранителя Сострадание. Как сказано в книге Гирра, тонкие стенки сосуда дали трещину, и из них излился разум Основателя, создавший основу нашего мира. Другие Хранители же сошли с ума, только Любовь и Творец сохранили себя и смогли оформить материю в то, что мы видим сейчас, — Герн помолчал, сдерживая слезы, — об этом трудно говорить, потому что в это очень трудно поверить. Не хочется верить, что этот мир гибнет, так и не приблизившись к идеалу Наартумёграль.

— Спасибо. Простите, что расстроила вас. Но мне было важно это услышать.

– Ничего. Писать мне больше не придется, поэтому могу рассказать о чем-нибудь ещё.

Кайа поднялась и нетерпеливо прошла из стороны в сторону. Было заметно, что ей тяжело решиться и спросить о том, зачем она сюда пришла. Наконец она вернулась в кресло и сделала глубокий вдох.

– Расскажите мне историю Тинара и Эфы, – на одном дыхании произнесла она.

– О, об этом я могу говорить долго, – улыбнулся Герн, – я заварю еще чаю.

Глава 1 ТИНАР

Jovano Jovanke
17 Hippies

Сгущаясь в небе, темные дождевые облака, словно из кувшина, хотели разлить над вечерним городом мглу и прохладу. Судя по всему, приближалась большая гроза, а пока прохожих раздражала лишь морось, заставлявшая их надвигать капюшоны и морщиться от холода, если капли попадали за шиворот.

Сверху было хорошо видно, как гасли красные огни заводов, рабочие расходились по домам, а дворовые собаки прятались под крыши и навесы. Улицы то-ропливо пустели, только фонарщики суетливо бегали взад-вперед, наполняя город уютным желтым светом, рассеивавшимся в сером дождевом тумане, и солдаты в бесформенных серых плащах понуро патрулировали улицы. Один вдруг остановился, словно прислушиваясь, перевел винтовку в боевую готовность и отправился дальше.

Раздался громкий хлопок. Из высокого стрельчатого окна то и дело можно было наблюдать, как на улицах чинились всевозможные беспорядки. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из солдат не отдал свою жизнь за мир и спокойствие граждан Тейна. За первым выстрелом последовали новые, затем небольшой взрыв, слышались ругательства и призывы о помощи. Дождь постепенно усиливался.

— Живем как на войне, отец, не так ли? — тихо спросил подросток, сидевший на подоконнике, прислонившись лбом к холодному прозрачному стеклу. Голова чуть наклонена, взгляд серых глаз устремлен куда-то вдаль. Он был одет по последней моде, но неопрятно. Волосы растрепаны, верхняя пуговица рубашки не застегнута, мятый галстук и вовсе валялся на полу.

— Поводырь уже здесь, Тин, — словно не заметив его реплики, произнес мужчина. — Тебе нужно привести себя в порядок.

— Ну нет. Мы оба знаем, что из этого ничего не выйдет. Или думаешь, что я добровольно пойду на это? — подросток нагло взглянул на отца, а затем вновь стал всматриваться в происходящее за окном. Дождь усиливался, и оттого сквозь заплаканное стекло вряд ли можно было что-то увидеть.

Мужчина отошел в глубь комнаты и устало сел в кресло, ожидая, что еще скажет его сын. Могло показаться, что разговор окончен, но Тин заговорил вновь:

— Ты думаешь, мое место в поместье Инн, не так ли? По-твоему, выходит, я должен попивать вино, радоваться жизни и слушать занудную игру малышки Тон на клавишине?

– Тинар, у тебя...

– Знаешь, где мое место? – со злостью воскликнул Тин, вскочив с узкого подоконника. Не дав отцу ответить, подросток продолжил: – Мое место там, у подножия нашего замка, где каждый день погибают люди. Я должен вести солдат в бой, а я сижу тут, словно в зверинце!

– Это закон выживания. Твоя жизнь сейчас наиболее ценна для Тейна. Ты единственный прямой наследник. Я знаю, что для тебя родной город – не пустой звук, но чтобы им править, тебе придется отказаться от очень многого...

– Например, от Лины. Я это понял сразу, когда полгода назад ты мне намекнул о политически выгодном браке. И я совершенно не готов к этому. Я даже сказать ей об этом не смог... – Юноша грустно, чуть растерянно улыбнулся и украдкой взглянул на отца. – Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Приведи себя в порядок, – жестко ответил губернатор Тейна. – Поводырь ждет.

Тин еще раз взглянул в окно, где вновь было тихо. Несмотря на сумерки, он отлично видел темные красные пятна, расплывающиеся под каплями дождя. Юноша наклонился и ловко поднял мятый галстук, чтобы бросить его на кровать. Затем аккуратно застегнул рубашку, накинул светло-коричневое пальто, мокрой расческой убрал волосы и, довольный своим отражением в зеркале, направился к выходу. Его нарочитая небрежность служила ему и маской и броней, которые порой так необходимы пятнадцатилетним подросткам.

В длинных коридорах и на винтовых лестницах старого замка гулял сквозняк и было немногим теплее, чем на улице, поэтому Тин старательно кутался в пальто. Впрочем, вскоре он вошел в главный зал, который опутывали огромные трубы, словно древесные корни, наполненные горячим паром. Тогда он наконец-то согрелся и расправил плечи.

Все уже собрались, Тинар усмехнулся — ждали только его. Экспедиция была необычно мала — всего пятнадцать человек. Как правило, в Пыль уходят большими караванами, чтобы не возникло проблем с оплатой. Поводыри никогда не стеснялись больших цен на свои услуги. Но видимо, губернатор решил в этот раз не скупиться и покрыл большую часть стоимости перехода самостоятельно.

Поводырь тоже был здесь. Он сидел на огромном сундуке и сжимал в костлявых руках длинную узловатую палку. Одежанием ему служили несшитые, намотанные вокруг худого тела серые тряпки. На высоком лбу сидели бронзовые сати — очки, которые частенько используются на дирижаблях, чтобы не щуриться от ветра и безбоязненно смотреть на солнце. Но эти, похоже, были совершенно непрозрачны: вместо темных стекол в оправу были вставлены металлические пластины.

Но больше всего удивляло выражение лица Поводыря. Казалось, он был слеп, настолько бесцельно он глядел в одну точку. Кожа грубая, словно испещренная мелкими шрамами, особенно вокруг глаз. Узкие губы играли с огненной ньялой, тростинкой, обычно используемой в качестве приправы. Пережевывая ее, можно

было запросто обжечь язык и гортань. На его лице читалась какая-то пустота. Будто на сундуке сидел не живой человек, а заводная кукла, которая только и умеет, что переправлять людей через Пыль.

— Здесь все, — утвердительно сказал Поводырь. Затем он встал, тяжело опираясь на трость. — Пойдем.

Поводырь, словно не замечая никого, повернулся к выходу, затем остановился и спросил:

— Все сыты? — удостоверившись в утвердительном молчании, он повторил: — Пойдем, — и двинулся к дверям, подхватив одной рукой сундук, на котором до этого сидел.

По одному люди последовали за Поводырем, словно загипнотизированные лаконичностью его речи. Помимо губернатора и его сына в Пыль отправлялись семеро богатых иззенийских купцов, возвращающихся домой после больших и удачных закупок, оруженосец губернатора, два вооруженных до зубов телохранителя и трое слуг.

Процессия вышла на улицу и быстро раскрыла черные зонты. Тин поспешно застегнул пальто.

Дождь уже лил вовсю, барабаня по металлическим крышам и каменным тротуарам, бесшумно касаясь лиц и серых одеяний Поводыря. Лето выдалось на удивление мокрым и холодным, что, конечно, не добавляло Тинару хорошего настроения. Вместо мыслей о прогулках, интересных книгах, друзьях и девушках все чаще его занимала назревающая в Тейне гражданская война. И Пыль, которая с каждым годом все больше поглощала его город. Юного наследника перестали спрашивать, чего он хочет, и постоянно напоминали о том, что он

обязан делать. Только за время пути он несколько раз думал о побеге, но рука отца все время лежала на его плече.

Поводырь, словно машина, продолжал идти вперед, не обращая внимания ни на дождь, ни на темноту, выстукивая монотонный ритм узловатой палкой о неровный серый камень мостовой. «И зачем ему деньги? — подумал Тин. — Одевается как оборванец и работает без остановки, разве это жизнь? Чего добиваются эти странные люди в серых одеждах и почему берут за свои услуги так много денег? И почему у меня ощущение, будто он один сильнее всех собравшихся?

Дорога до вокзала не заняла много времени, вскоре караван стоял под навесом на станции и ждал прибытия состава. Пассажиров было немного, всюду сновали солдаты. Когда они проходили мимо, можно было услышать их тревожные, приглушенные разговоры. В основном солдаты говорили о нападениях, об объединении «Белая дюжина», которое подстрекало народ к революции, иногда мелькали хвастливые фразы об убитых или плененных мятежниках, но в любой реплике отчетливо чувствовался промозглый страх.

Состав, имеющий явно меньшее, чем обычно, количество вагонов, прибыл на станцию. Аккуратно пронумерованные вагоны стройно заняли свои места. Из открывшихся дверей вместо привычных проводниц вышли Черные шинели — «взвод с особыми обязанностями и привилегиями», как можно было прочитать о нем в книгах и газетах. Про этих солдат рассказывали всякое, но Тинар не придавал слухам большого значения. Среди его знакомых было несколько человек из этого подраз-

деления, и, на его взгляд, они отличались от остальной армии только цветом формы.

Поводырь стукнул палкой по вагону, окрашенному в серо-зеленый цвет, и жестом потребовал тишины, еще несколько раз повторив свое действие. Тинару показалось, что Поводырь чем-то недоволен, но тот жестом приказал всем следовать за собой. Ехать предстояло всю ночь, а утром отправляться в Пыль. Поводырь строго запретил расходиться до тех пор, пока он не выполнит свой заказ, а именно не доведет отряд из пятнадцати человек до Площади Правосудия в Иззене. Для Поводырей выполнение заказа первостепенно, и потому они очень обстоятельно подходят к делу.

Тинар первым зашел в вагон и быстро пристроился у окна. Он всегда хотел видеть, что будет впереди, всегда хотел узнать больше. К поездкам он привык с детства, поскольку частенько ездил с отцом и братом по владениям. Его отец считал, что общение с народом — это то, что позволяет не только править людьми, но и направлять их в нужное русло, чувствовать их потребности и боль. Губернатор не был многословен при встречах с ними и уж тем более никогда не вел прямого диалога, но всегда находил нужные слова, когда было тяжело. Но так трудно, как сейчас, еще не было никогда, и Тин это знал.

Еще каких-то двадцать лет назад, когда юный губернатор Недар только пришел к власти, женился на красавице принцессе из Наоста, Тейн был процветающим городом. словно дары с неба, текли в его объятия лучшие товары со всех стран и провинций, искусные Мастера почитали за честь проводить в нем время, наполняя своим искусством его улицы. Успех сопутствовал

тейнийской армии в военных походах, и трофеи в виде выгодных торговых соглашений не заставляли себя ждать. Недар был молод и силен, и часто бывало так, что, вернувшись победителем с той или иной битвы, он бесконечно пировал, а с приемов и балов сразу же отправлялся в бой. Он нечасто посещал родную землю и не каждый раз, когда бывал в стенах дворца, виделся со своими сыновьями.

Однако вскоре все переменялось. Получив тяжелое ранение, он был вынужден долгое время провести дома. Прикованный к постели, он, будучи человеком деятельным, принялся изучать внутренние дела страны. Спустя неделю он разжаловал всех своих советников, а некоторых из них заключил в тюрьму. Как выяснилось, в его родном Тейне не все так хорошо, как кажется. Всевозможные противоречия подтачивали его благополучие изнутри, как вода камень, и что самое главное — люди, которые находились у власти, знали об этом, но намеренно скрывали это от правителя, занятого военным делом. Народ устал платить высокие налоги на войны, дети росли без отцов, все больше ходило разговоров о том, что губернатор не справляется с той ответственностью, что была на него возложена.

Вскоре Недар встал с постели, но на поле боя уже не вернулся — он сильно хромал, и теперь его больше занимали городские дела, а не слава и трофеи. Он принялся, не жалея сил, проводить одну реформу за другой. Но недовольство лишь росло. Объяснить этого Недар не мог — налоги вновь стали приемлемы, войны прекратились, началась та самая мирная жизнь, которую так долго требовали горожане, а в итоге появилось

движение «Белая дюжина», готовое разорвать в клочья всю губернаторскую семью. За последние пять лет гражданская война подошла к воротам Великого Города слишком близко и уже стучалась в их массивные створы.

Долгое время губернатор пытался наладить переговоры со своими врагами, в ответ на что получал лишь новые взрывы и убийства. В итоге вся армия была мобилизована, были выставлены патрули, введен комендантский час. Любой, кто был заподозрен в заговоре, отправлялся в тюрьму, и, если его вина была доказана, он отправлялся на эшафот. В городе запахло смертью. За несколько лет могущественный Тейн превратился в набор безмолвных угрюмых стен.

Тинар помнил то время, когда все было в порядке. Он часто вспоминал улыбку матери, которую теперь редко можно было увидеть. А еще он никогда не забывал Агару, своего старшего брата.

Поезд тронулся, бутылка со знаменитым иззенийским вином качнулась и упала, окрасив белую скатерть в темно-бурый, почти черный цвет. Юный наследник никак не мог взять в толк, почему именно иззенийская принцесса должна была стать его супругой. Иззен, хоть и близкий, но далеко не самый выгодный для Тейна союзник. Не раз и не два армии этих городов сходились на поле боя, причем в последний раз армию Тейна возглавлял Недар Мотер в тот самый год, когда родился его сын Тинар. Иззен тогда потерпел поражение, но губернатор Тейна пошел на переговоры, и все, что он просил от правителей Иззена, — это беспощинную торговлю, выгодные поставки и, разумеется, частичное разоружение армии. Несмотря

на плачевное положение Тейна, большинство договоров сохраняли силу по сей день.

Иззен тоже нельзя было назвать процветающим городом. Уже много лет он был раздроблен на гильдии, каждая из которых тянула одеяло на себя. В борьбе гильдии не сумели сохранить суверенитет собственного города, и хотя Тин знал об Иззене немного, он был уверен, что не всем влиятельным людям в городе понравится этот брак.

Поезд набрал ход, и, оставляя за собой огромную полосу клубящегося черного дыма, мчался сквозь сырую летнюю ночь к границам Тейна. Губернатор читал завтрашнюю газету, чтобы с утра принять решение — выпускать ее в печать или же нет. Его охрана стояла у выходов, слуги сидели без дела и клевали носами в ожидании указаний. Торговцы что-то живо обсуждали, похоже, какую-то безделушку, которую купили в качестве сувенира, а Тинар продолжал смотреть в окно. Поводырь все это время сидел неподвижно, и казалось, что он спит с открытыми глазами. Его тело было напряжено, спина выглядела болезненно выпрямленной.

Все было спокойно до тех пор, пока окно, у которого сидел Тинар, с оглушительным звоном не разлетелось вдребезги. Повалив стол, в вагон впрыгнул человек в коричневой шинели. Он быстро направил пистолет на губернатора, мокрые пальцы неумело дернули предохранитель.

По лицу этого человека было видно, что он совсем молод, немногим старше Тина. Растрепанные волосы и грязные руки, старая и рваная одежда — он не из тех, кто может оплатить проезд. Прямой и честный взгляд буравил губернатора, который оторвался от газеты и те-

перь поверх нее внимательно рассматривал нападавшего. «Почему он не стреляет?» – пронеслось в голове у Тинара, лежащего щекой на мелких осколках.

Все это длилось лишь мгновение, затем нападавший тряпичной куклой упал на пол. Над ним возвышался Поводырь. Он без усилия взял труп длинными костлявыми пальцами за шею и одной рукой выкинул его в разбитое окно. Тело неестественно перегнулось через металлическую раму и осталось далеко позади. Тин резко поднялся и бросился к окну, но ничего не увидел, сумерки и туман уже скрыли тело мальчишки, лежащее где-то на обочине.

– Тинар, у тебя все лицо в крови, прикажи принести воды и умойся, – строго сказал губернатор и, нахмутив брови, снова уткнулся в газету.

Поводырь сел на место, словно ничего не случилось, и опять устался в одну точку. Его тело было вновь крайне напряжено, будто он пытался почувствовать абсолютно все, что находится рядом.

Вскоре слуги принесли чан с водой и зеркало. Иззенийский торговец услужливо предложил свою помощь. Тинар быстро умылся, и вместо устрашающих кровоподтеков на лице остались лишь маленькие царапинки.

– Страшно было, малец? – спросил торговец, имени которого Тинар не знал.

– Нет, просто неожиданно, – ответил наследник не задумываясь.

– А должно быть страшно, – миролюбиво усмехнулся иззениец и подал Тинару полотенце.

Наследник быстро передел рубашку, после чего пристроился к новому окну. Старое было наскоро зако-